

Геннадий Вдовин,

историк искусства,
директор музея-усадьбы
Останкино,
Москва

О работе, или Реплика историка

Странное дело... Богу ей, странное...
Многажды приступал к этому тексту. Чего
проще? Служебный текст-то. О работе.

Отпускало — работы ж много. Руки не до-
ходили — дел-то сколько. Отстаньте — служ-
ба. И — личная жизнь тоже. Уводило — ты
ж еще и «дед мороз 4 разряда», и «грузчик
5-го», и «гвардии лейтенант», и «водитель
категорий “А”, “В”, “С”»...

По профессиональной привычке, сложив-
шейся за многие годы в ремесле, придумы-
вал заголовки, раскрывающие тему (вот, на-
пример, такой — «Ремесло, Специальность,
Профессия или Опыт истерики»)¹.

¹ Варианты — «Кое-что о специальности»,
«Несколько тезисов о профессионализме, или репли-
ка служащего», «К истории таланта. Суждение цини-
ка», «Выбор. Образование. Ремесло» и пр., пр., пр.

Согласно дурному, но, увы, уже фирменному своему обыкновению, громоздил эпиграфы («И нельзя сказать, что я любитель, // Проводящий время в столбняке, // А, скорее, слушатель и зритель, // И вращатель рюмочки в руке»; или это уже где-то эпитафировал?)²

Привычно выстраивал номера лемм и апорий (I... V... LI... I, 1a... IV, 7в... LI, 2с...), формулировал тезисы (I, 2в, η... VI, 8в, λ... LIII, 2с, ψ)³

Потел, по убийственной своей сентиментальности, над посвящением⁴ и сам себе явил про почерк, манеру, индивидуальное — типическое и штампы в ремесле.

А, главное, вновь и сызнава отчётливо видел и, конечно, пугался «чудищ», подаренных нам не так В.К. Тредьяковским, коего помнил разве по эпиграфу к «Путешествию из Петербурга в Москву», сколь по А.Н. Радищеву, эту цитацию нам навсегда подарившему.

Дабы с глуду не двинуться и не потерять остатний рассудок, стал тщательно нумеровать «чудищ», избегая арабицы и римской цифири.

«Чудище» номер раз. Обло. А то, вишь, может статья, и Огромно. Будто бы чужая англосаксонская и наскрозь своя методологическая традиция. Занудят про «компетенции», «этику», «мультикультурализм», «ответственность» и пр. «корпоративные ценности» вкупе с «капитализацией духовподъёмности», плюсуя «музеи-заповедники кластерного типа» и другие «ресурсы территории». За чучелом №1 на Красную площадь выйдут стройные колонны политехнологов, экономистов, геостратегов, культурологов и специалистов по информационным технологиям. Толпы счастливых профессионалов в области франчайзинга

² Возможность: Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй

Тилемахида Т. II, кн. XVIII. Ст. 514.

Не худо — Ладья воздушная и мачта-недотрога, Служа линейкою преемникам Петра, Он учит: красота — не прихоть полубога, А хищный глазомер простого столяра.

ОМ

Славно — Вот родословие Исаака, сына Авраамова. Авраам родил Исаака... Быт.25: 19

³ А мне, и правда, так легче думать.

⁴ «Тебе»? Блоковщина, какая-то выходит. Инициалами обойтись? Бродский лезет, не говоря о предшественниках. Шифровать и выписывать «NN» — пошло и подло. Остальное — вовсе сантименты, коли не истерика. К лицу ли нам, ремесленникам?

и PR'a будут водить хороводы и замыкать шествие. Покровительственно похлопают в ладоши некоторые члены Правительства и кой-какие сотрудники Управления делами Президента. Шепот промеж них — «Инновации! Нанотехнологии! Стратегии!»...

Номер два «чудище». Озорно. Точно, Озорно, ежели не Огромно... На главную площадь страны выходят!.. Двухсотлетний, по самым скромным подсчетам, грандароцентризм рука об руку с наилучшей подружкой своей, забубённой литературофилией. Крепко взявшись за руки, мимо трибун Мавзолея идут патриоты и либералы. В праздничной колонне, весело мешаются рубища и смокинги, транспаранты (белым по кумачу) «Сосцы духовности! — Лоно патриотизма!» с лозунгами (красный по белому) — «Свобода! — Равенство! — Братство!». В едином порыве сливаются литераторы и театральные деятели, киношники и журналисты, циркачи и скрипачи. С гостевых трибун приветственно машут депутаты ГД и СФ. Разговорчики на гостевых трибунах — «Традиции! Корнево! Новое слово! Прорыв!»...

«Чудище» третьего номеру... Нестройная толпа вялых маргиналов, пришепывающих что-то вроде: «Он учит: красота — не прихоть полубога, // А хищный глазомер простого столяра». Избранные члены Общественной палаты и малочисленные главы некоторых общественных организаций снисходительно поддерживают этот жалкий табор. Ну?! Ну, и это Стозевно? Они же даже не Лайй!

Трезво же глядя, признаемся себе — гуманистические ценности Нового времени в розливе атлантического мира, выдаваемые за всеобщий рецепт счастья, помимо всего прочего, демонизировали профессионализм, как некую непреходящую сверхценность, снабдив размытое понятие профессионализма романтическим флёром. Печальный же опыт подсказывает, что всё постулируемое как над- и предысторическое: минимум — засада, оптимум — подлость, максимум — системная ошибка.

Многозначительная новоевропейская антиномия «профессионализм — дилетанство» — один лишь из предикатов становления автора, общего процесса явления

авторства из анонимности. А рождение автора — самый таинственный из процессов становления «Я». Ведь начальная эпоха развития, собственно «Его» ещё не знающая — эпоха Средневековья — не знает и автора. Это, строго говоря, до-авторское время, как время до-обличения. Оно не знает творца, ибо для неё есть лишь Творец. Не знает собственно нового, ибо для неё есть лишь освященные традицией Закон и Благодать. Не знает критики и для неё существует только вера, требующая истолкования, и безверие, обреченное проклятию. С историко-философской позиции можно сказать, что предмет пока не отделился от субъекта, субъект же целостен и внутренне бесконфликтен.

Строго-то думая, субъект Средневековья ещё и не субъект⁵. «Темновековье» не знает субъекта и иньекта и потому, что отсутствует пока и сам объект, ибо Первосущий выше объективного, а предмет и субъект не отделены друг от друга⁶. Потому-то мастер эпохи — ничуть и никак не Мастер, её работник — не специалист.

До-авторское время не ведаёт ни творчества, ни специализации в нашем постромантическом понимании. Эпоха, основанная на программном принципе «обличения вещей невидимых»⁷, но никак не на желании обличить видимое, эпоха, вновь и вновь пытающаяся явить зримое лицо незримого, незнакома с творчеством как с попыткой особого рода объективизации⁸ и, стало быть, со специализацией как персональным ненаследуемым выбором. Если и можно говорить о каком-то творческом акте, о каком-либо деянии мастерства, о какой-нибудь специализации в эти времена, то это скорее откровение и, соответственно, тиражирование открывшегося. Оно требует от мастера сколь можно адекватного воспроизведения открывшегося и не допускает каких-либо существенных отклонений от явленного. («Мы не изобретаем ничего нового», — с важным достоинством говорит один из средневековых мыслителей). Сумма откровений составляет, в конечном счете, свод канонов, восходящих к первообразу и *summa theologiae*.

По нам, такое положение вещей противоречит самой идее авторства и принципам специалитета: мастер безвестен и специальность не отделена от ремесла. Все это видно и по отсутствию подписей в памятниках средневековой культуры, составляющему её обыкновение, если не правило, и по дальнейшей мифологизации сохранённого име-

О работе, или Реплика историка

Оружейник (со старинной миниатюры).

⁵ Так, по словам Фомы Аквинского, выражающим средневековый взгляд и задающим его систему ценностей, существуют «четыре элемента, к которым надлежит относиться с любовью, и это: Бог, ближний, наше сословие и мы сами» (*Summa Theologiae*. II, 2, Q, XXV. A.12)

⁶ Именно отделение предмета от субъекта и обеспечение (а затем мавр сделал свое дело...) существеннейший и невозможный для античности или средневековья парадокс самосознания Нового времени (Библер В.С. Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. М., 1975. С.254).

⁷ Бердяев Н.А. Смысл творчества. Философия свободы. М., 1989. С.45-46.

⁸ Он же. Указ. изд. С.344.

ни, цель которой — причислить мифологи-зируемого к сонму сподвижников Того, кто один лишь истинно Творит («И вот Я творю все новое». Исх. 43,19)⁹.

Итак, среди «безмолвствующего большинства» царит «доброе мастерство» до-авторства. И следующий традиции, вслушивающийся в откровение, не изобретающий «ничего нового» до-автор не наделён ещё талантом, хотя в Средневековье бытует понятие «талана» («талани»), понимаемое как удачный случай, подобный барышу, выгрышу, везению. Персонифицированная Талань куда сильнее людской Удачи, Удачи, Доли, которыми беззастенчиво помыкает, поскольку человек — раб её. Талань подобна курице: несёт золотые яйца, осыпает избранныка благомыслием. Её можно поймав, зажарить, съесть, при том и изготовленная Талань сохраняет свои волшебные свойства¹⁰. Речь идёт не об избрничестве специалиста или благодати профессионала, а о заменяющей их борьбе мастера за некий материализованный или персонифицированный дар¹¹.

До-авторство, равно как и общая невыделенность «Я» из «мы» («мира», общины), стимулируют артельную (цеховую) организацию мастеров и мастерства, где связь мастера и подмастерья — суть опыт всех предшествующих поколений, опыт тиражирования данного в прежних откровениях. Помимо экономических и технологических плюсов артельной организации, она, воплощая коллективный опыт и традицию, гарантирует соблюдение канона, спасает откровением от несанкционированного выхода за границы

свода правил, пресекает возможность специализации и авторства, и обуславливает, в конечном счёте, социальное положение мастера от древности до Возрождения, где даже художник (!) суть «... ремесленник, пребывающий в одной корпорации с седельниками и переплетчиками»¹².

Эмпирическое приращение опыта в замкнутой мифологической традиции Древности и Средневековья принадлежало обществу, цеху, артели, ремеслу.

Если воспользоваться оппозицией, означенной Н.А. Бердяевым в его книге «Смысл творчества» как дихотомия «святость — гениальность», «религиозность — творчество»¹³, то историческая задача дискурса о профессионализме может быть сформулирована так: каким образом из «святости» Средневековья являются «гениальность творчества», маэстрия романтической и постромантической эпох, распространяющаяся на все виды деятельности? Как и почему на смену специалисту «имперсонального» типа приходит «экзистенциальный» профессионал¹⁴?

Почти невозможно точно фиксировать хронологическую точку перелома, границу, отделяющую до-авторские времена от эпох авторских. Неоднозначный и мучительный этот процесс занимает собою и Прото-Возрождение, и Возрождение. Он выходит за границы раннего Нового времени, оборачиваясь борьбой за авторские права.

¹² Февр Л. Главные аспекты одной цивилизации // Он же. Бон за историю М., 1991. С. 327-328.

¹³ Бердяев Н.А. Указ. соч.

¹⁴ Сарабянов Д.В. К концепции русского авторпротрета. — Советское искусствознание⁷⁷. Вып.1. М., 1978. Автор предлагает оппозицию «имперсональный» — «экзистенциальный», подразумевая под первым — мастера, отчужденного от своего творения, под вторым же — художника, отождествляющего себя со своими творениями, которые и составляют в итоге его биографию (С.204). Возможна проекция этой оппозиции на историко-художественный процесс в целом: в отношении «имперсональный» — «экзистенциальный» находятся эпоха Ренессанса и XVII век, XVIII столетие и Романтизм... Ср. такое определение «экзистенциального» творчества с известной юнговской (и, впоследствии, юнгианской) установкой: «Органически растущий труд есть судьба автора и определяет его психологию. Не Гете делает «Фауста», но некий психический компонент «Фауст» делает Гете. (...) Творение означает для поэта всегда и поистине больше, чем личная судьба, — безразлично, знает ли это он сам или нет. Автор представляет собой в глубочайшем смысле инструмент и в силу этого подчинен своему творению, по каковой причине мы не должны также, в частности, ждать от него истолкования последнего» (Юнг К.Г. Психология и поэтическое творчество. 2. Автор. // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С.118).

⁹ Станислав Лем заметил, что у древнейших технологий «прикладной характер и целенаправленная структура не подлежат сомнению, а между тем у них не было индивидуальных создателей и изобретателей» (Лем С. Сумма технологий. М., 1968. С. 31)

¹⁰ См., например, об этом сказки (№№ 27, 35) в: Озаровская О.Э. Пятиречье. Л., 1931 (в особенности С.242-243, 305-306, 312). Ср. у Н.С. Лескова в «Штопальщике» рассказ о даровании героя, умевшего «штопать вовсе незаметно»: «Старики отцу говорили: — Это мальцу от Бога талан дан, а где талан, там и счастье будет» (Лесков Н.С. Собрание сочинений в XI тт. Т.VII. М., 1958. С.97; здесь и далее курсив мой — Вд.). И вся повесть по сути — рассказ о доставшейся штопальщику жареной Талани, несущей золотые яйца.

¹¹ Подобное толкование живёт долго. Так у В.И. Даля читаем: «Таланить (...) быть приятно, удаче, счастливию, удаваться. (...) Таланливый — счастливый, удачный, кому везет. (...) Талан — (...) счастье, удача; рок, судьба, участь; барыш, прибыль, находка». (Т.IV. СПб.-М., 1911. Стб. 717-718).

Да будет известно, что к нам явился Вальтер Кезенгер, предлагавший построить колесо для пряжения и кручения шелка.

Но, посоветовавшись и подумавши со своими друзьями, Совет нашел, что многие в нашем городе, которые кормятся этим ремеслом, погибнут тогда. Поэтому было постановлено, что не надо строить и ставить колесо ни теперь, ни когда-либо впоследствии.

акт Кельнского городского совета от 1412 г.

О работе, или Реплика историка

Он идёт неравномерно и неоднозначно, как и все «гоминизационные» и историко-художественные процессы. И в результате в одной временной точке увидим мы и «идущих в ногу», и «опережающих», и «отстающих»: в России, например, современники Кипренский и некий «домовый маляр», Рокотов и Антропов, Левицкий и артельный иконописец, могущий «и персоны малевать»; в России одновременно свершаются и горькое признание Ал. Иванова в том, что «художник и крепостной у нас одно и то же», и пресловутая «гордость» К. Брюллова, смеющего не дожидаться опаздывающего на сеанс портретирования государя; в наших широтах Пушкин почти одновременно пишет и «Импровизатора» и «Гробовщика».

Если же смотреть, по принятому нами обыкновению, на историко-культурную «элику» исхода до-авторских времен, эры до-специалистов, то отметим две характерные черты: с одной стороны, Прото-Возрождение являет нам долго находившегося в тени мастера, и мы узнаём, наконец, имена; с другой же, мы видим, что наиболее распространённый тогда образец сигнатуры — «делание имярека» («письмо емельяново» или «никалаево умельство») — по-прежнему предполагает откровенный некогда первообразец, лишь реализованный через «делание» Емельяна Москвитина или безвестного Николая. Творец воспользовался «письмом» имярека для реализации замысла, использовал мастера как орудие, инструмент, рупор, но, судя по явлению имени, имярек начинает испытывать гордость от того, что именно он стал орудием Промысла. Как заметил Макс Вебер, можно «удостовериться в своём избранничестве, ощущая себя либо сосудом божественной власти, либо её орудием. В первом случае (...) религиозная жизнь тяготеет к мистическо-эмоциональной культуре, во втором — к аскетической деятельности»¹⁵. И потому можно говорить о том, что специальность и мастерство в до-авторские времена, во времена «сосуда» определялось не дарованием (не смеем и сказать — талантом),

¹⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1990. С.150.

но приращением умения, однозначно предполагающим не способности, не избранный, а выборочную избранность¹⁶. Люди эпох до-авторских и времен ранней специализации равны перед Творцом в способностях и дарованиях. «Средневековье, определяя по-своему удельный вес человека, чувствовало и признавало его за каждым, совершенно независимо от его заслуг, — говорил О.Э. Манделштам, лучше многих историков описавший перелом от «тёмных веков» к Возрождению. — Титул мэтра применялся охотно и без колебаний»¹⁷.

К концу Средневековья рушится миф как закрытая традиционалистская система, истинная в каждом своем элементе, в отличие от новременной науки как системы открытой, подвергаемой рефлексии во всяком элементе. Научное обоснование ремесла даёт специальность и, таким образом, специализация — плод научного осмысления деятельности¹⁸. Стало быть, демифологизация тезауруса, рассуеверивание хронотопа, приватизация времени, эстетизация картины мира — предикаты становления «Я» — важные условия специализации, принципы, рождающие специалиста в раннее Новое время. И если основной вопрос ремесла был вопрос — «как?», то главная тема в специализации — «почему?»; принципиальная проблема будущего профессионализма — «зачем?», но этой гносеологической розни эпоха ещё не знает. И всеведующий Декарт призывает — «следует рассматривать, не для какой цели Бог создал каждую вещь, а лишь каким образом он

её сделал»¹⁹. И потому специализация раннего Нового времени, в отличие от средневековой ремесленности, предполагала принципиальные новины. Приметим несколько.

Во-первых, это проблема выбора специальности, Древности и Средневековью скорее неведомая. Тяжесть вопроса ненаследуемого выбора работы, веры, жизни испугала человека крепко и надолго²⁰. Неподъёмность дара и способности, сменявшие Талань, усугубляли экзистенциальное напряжение, вылившееся в новые опыты religio и кровопролитие межконфессиональных конфликтов²¹.

Во-вторых, иная значимость вознаграждения; поскольку специалисту важны деньги и почести, как эквивалент труда, а не шуба с барского плеча, не перстень с царева пальца и не черевички с царицыной ноги. Новоиспеченный специалист, специалист в профессии, но никак ещё не профессионал, вынужденно скромнен. Нет ещё в полной мере осознанного конфликта специалиста с социумом,

¹⁹ Декарт Р. Начала философии. // Он же. Избранные произведения. М., 1950. С. 450. Ср. — «(...) цель или конечная причина не только бесполезна, но даже извращает науки, если речь идёт не о действиях человека». Бекон Ф. Новый органон. Л., 1935. С. 88.

²⁰ Ремесленник полагает специалиста гордецом, подрывающим общественные устои и покушающимся на Божий замысел. Одна из типичных иллюстраций — акт Кельнского городского совета от 1412 г., где читаем: «Да будет известно, что к нам явился Вальтер Кезенгер, предлагавший построить колесо для прядения и кручения шелка. Но, посоветовавшись и подумавши со своими друзьями, Совет нашел, что многие в нашем городе, которые кормятся этим ремеслом, погибнут тогда. Поэтому было постановлено, что не надо строить и ставить колесо ни теперь, ни когда-либо впоследствии» (Немецкий город XIV — XV вв. Сборник материалов. М., 1936. С. 33.) То же — с компасом, о котором один из французских документов 1260 г. грозит: «Ни один капитан не должен употреблять сей инструмент, если он не желает быть подвергнутым обвинению в колдовстве. Нет сомнения также в том, что ни один моряк не решится выйти в море под командой капитана, который возьмет с собой вещь, явно свидетельствующую о том, что изготовлена она с помощью духа ада» (Цит. по: Bastian A. Der Mensch in der Geschichte. Bd. III. S. 184-185)

²¹ Довольно вспомнить, что в результате раскола погиб каждый третий, а в итоге Тридцатилетней войны стигнуло около 80% мужского населения Центральной и Западной Европы.

¹⁶ Довольно вспомнить единое обозначение и для того, кого мы называем теперь художником, и для того, кто по нашему суждению ремесленник, и для того, кто в нашей иерархии изобретатель — artifex.

¹⁷ Манделштам О.Э. Утро акмеизма. // Он же. Слово и культура. М., 1987. С. 170.

¹⁸ Сравним, например, два принципа драконологии: если средневековый ремесленник твердо знает, как смачивать стекло драконьей кровью, чтобы оно стало небоющимся (Харитонович Д.Э. Средневековый ювелир. // Декоративное искусство СССР. 1978. №7), то специалист Нового времени уверен, что «к некоторым женам и девицам летают ночью огненные змеи, то есть воздушные дьяволы и имеют с ними плотское совокупление, отчего те женщины весьма худеют» (Вдовин Г.В. О позиции наблюдателя и квантовой историософии. Восьмь крайних субъективных тезисов о методологической ситуации в современном искусствознании. // Вопросы искусствознания. М., №1—2 1995)

Под термином профессия понимается некое основное занятие, подверженное теоретическому анализу и тем изменениям, которые вытекают из теоретических выводов такого анализа. Анализ относится к целям этого занятия и к процессу приспособления действий для достижения этих целей. (...) В отличие от профессии существует и такая деятельность, которая основывается на обыденном опыте и изменяется в каждом индивидуальном случае методом проб и ошибок. Такая деятельность есть ремесло.

А.Уайтхед. Приключения идей.

хотя он уже обозначился и отчасти уже рефлексивируется²².

В-третьих, положение в обществе. Не перемахивая пока классовых перегородок, специалист стремится стать и быть первым именно через свою деятельность, тщательно организуя рынок услуг и блюдя социальную иерархию²³. Однако, важнейшая характеристика специалиста — первость. Первость — вообще один из важнейших принципов Нового времени, где всё впервые и впервой, одна из главных тем её. Как всякая революция, перелом от Средневековья к Новому времени утверждает своё первородство, свою уникальность, свою независимость от всего предшествующего. И потому в процессе персонализации общества через его новую

²² Так знаменитому «составленному поселянину», бывшему, как известно, портретистом, доброжелатель советует: «Не следует в манерах чересчур копировать непринужденность аристократов; (...) ибо тогда скажут: «Как жаль, что он не знатного происхождения. Он занимает в обществе не то место, какое должен бы занимать», а подобный отзыв только напомнит о вашем неравенстве. Придерживайся же золотой середины, учтивостью уподобляйся аристократу, но не слишком возвышайся над уровнем хорошо воспитанного и скромного мещанина». И в поисках новой, своей, авторской гордости доброжелатель дает еще один ценный совет первичному автору: «Теперь тебе нужно усвоить новую тактику: не принимай никакого вознаграждения за свои картины; всякий, кому платят тем самым унижен; эта истина относится даже к поэтам: трудись, но как человек, стоящий выше своей профессии, от этого твои произведения покажутся только более совершенными, и платить за них будут услуги, которые куда дороже денег» (Де ла Бретон Ретиф. Составленный поселянин. Жизнь отца моего. М., 1972. С.275).

²³ Например, в пастырской грамоте начала 1760-х годов тогдашнего тверского митрополита Гавриила читаем увещание об исполнении своих обязанностей, обращенное к «священникам, монахам, крепостным, судьям, подчиненным, родителям, детям, купцам, земледельцам, художникам» Цит. по: Поселянин Е. Русская церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1905. С.183.

О работе, или Реплика историка

Мастерская по обработке металлов.
Гравюра из книги Г. Агриколы «О металлах». Базель, 1556 г.

социализацию, стратификацию его особый смысл приобретает слово «первый»²⁴. Азбуковники и словари эпохи толкуют новоявленные понятия «автор» и «специалист», охотно поясняя невеждам, что это «работник», «зачинщик», «начинатель», «виновник», «начальник»²⁵. Прежний мистический подвиг становится теперь работой. И если «бессознательно средневековый человек считал службой, своего рода подвигом, неприкрашенный факт своего существования»²⁶ поскольку он «сосуд», то новый герой начинает осознавать бытие как необходимую работу, а себя как «инструмент». Таким образом, с точки зрения эволюции самосознания мастера, мы имеем дело пока что не с «первичным автором» (по М.М. Бахтину — это «*natura non creata quae creat*», то есть «природа несотворенная и творящая»²⁷), но именно с пред-автором, с «природой несотворенной и начинающей работать» (если перейти на ту же терминологию).

В-четвёртых, парадоксальным для нас образом специалист Нового времени универсален и близок к леонардизму, а то и к энциклопедизму²⁸. Симультанность тезауруса, гносеологический синкретизм и эстетизация картины мира принуждают его работать в разных, по нашему мнению,

областях. (Ну, в самом-то деле, в какой области профессионалы Леонардо? Челлини? Ломоносов? Бомарше? Болотов?..)

В-пятых, и в-важнейших, в эту эпоху специальности является профессия (но никак не профессионализм). «Под термином профессия понимается некое основное занятие, подверженное теоретическому анализу и тем изменениям, которые вытекают из теоретических выводов такого анализа. Анализ относится к целям этого занятия и к процессу приспособления действий для достижения этих целей. (...) В отличие от профессии существует и такая деятельность, которая основывается на обыденном опыте и изменяется в каждом индивидуальном случае методом проб и ошибок. Такая деятельность есть ремесло», — рассуждал Уайтхед²⁹.

Таким манером понятая нововременная профессия уже к середине XIX в. даёт авторский жест, авторскую амбицию, борьбу за авторские права, развитую авторскую сигнатуру³⁰ и первичное автопортретирование³¹.

Этот-то специалист, законнорожденное, но неблагоприятное дитя эпохи Нового времени, всё более наливаясь сверхавторскими амбициями Романтизма и Постромантизма, всё Уже и Уже специализируется, всё более демонируя «гений», «талант», «вдохновение», «избранность» и пр. «призвание», работник, гордо именующий себя профессионалом, столетие с лишним, коли скоро не два, всё торчит и торчит на авансцене.

Внимание! Оркестр! Барабанная дробь! Вес свет на сцену! И-и-и и начали!..

«Гул затих. Я вышел на подмостки...»

Так Иван Никитин — первый русский живописец. Первый — в пару императору Петру. «Первый» не по качеству (то есть не в том смысле, в каком А.С. Пушкин объявлялся спустя столетие «первым поэтом», не в том, в каком еще через век пытались понять кто теперь «первый поэт» — Маяковский или Пастернак?), а по рядоположенности, по месту в шеренге. «Первый» — не «лучший», не «главный», не «господствующий», не «главенствующий», не «приоритетный», а «первый» как «зачинатель», «основатель», «родоначальник». Отсюда неизменный интерес первого русского императора к любому первому в любом ремесле, что в «солдатстве», что «деле живописном». В этом смысле, ровня друг другу и «первый расейский солдат» Яков Бухвостов, и первый русский живописец Иван Никитин, и «первый европейский философ России» служавший Готфрид Ляйбниц.

²⁵ Словарь русского языка XVIII века. Вып.1 (А-Беспристрастие). Л., 1984. С.19.

²⁶ Мандельштам О.Э. О поэзии. — Указ.изд. С.106.

²⁷ Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986, С.525.

²⁸ Еще в начале второй трети XIX столетия, говорливый, всепринятый, всепринятый и всезнающий Александр Тургенев, как само собой разумеющееся, проговаривает в корпусе, обозванном Пушкиным «Хрониками русского»: «Энциклопедический взгляд не мешает специальности (курсив, заметье, не мой — Вд.), и с тех пор, как я справился об успехах машин и о газе, я лучше сужу о Людовике XIV и о Петре Великом». Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники 1825-1826 гг. Л., 1964. С.69.

²⁹ Уайтхед А.Н. Приключения идей. // Он же. Избранные работы по философии. М., 1990. С.451.

³⁰ Либман М.Я. Сигнатуры немецких художников XV — XVI веков как объект социологических изысканий. // Советское искусствознание '75. М., 1976. Дальнейшее развитие опыта новейшей социологии применительно к статусу и положению мастера в обществе см. у того же автора: он же. Социальные факторы в искусстве и их роль в методологии исследователя (На примере позднего средневековья и эпохи возрождения). // Советское искусствознание '78. Вып.2. М., 1979. Эту проблему на материале классического искусствознания рассматривали также: Кантор А.М. «Свой предмет» художника в натюрморте. // Вещь в искусстве. Материалы научной конференции. ГМИИ. 1984. Вып. XVII. М., 1986; Виппер Б.Р. Проблема и развитие натюрморта. (Жизнь вещей). Казань, 1922. С. 9, 36, 40.

³¹ Вдовин Г. «Писано имяремком...» Рождение автора в русской портретности XVIII века. // Вопросы искусствознания. М., 1995. №1—2. Он же. Персона — индивидуальность — личность. Опыт самопознания в искусстве русского портрета XVIII века. М., 2005